

Дом, где разбиваются сердца

100-летие со дня рождения крупнейшего английского писателя Бернарда Шоу принадлежит к тем памятным датам, которые, по призыву Всемирного Совета Мира, широко отмечаются во всех странах, всем передовым человечеством. Сегодня мы помещаем отрывок из предисловия Шоу к его пьесе «Дом, где разбиваются сердца».

писателей. Шоу остается здесь, как и везде, самим собой, со свойственным ему сложным и своеобразным комплексом средств художественной выразительности. И вместе с тем он подхватывает, развивает на новом материале начатую А. Чеховым и Л. Толстым исторически важную тему судеб определенной части общества — интеллигентных обитателей усадеб — на рубеже XIX — XX веков. «Дом, где разбиваются сердца», — по выражению одного из персонажей, попросту «неряшливая, беспорядочная вилла», где собралась горстка культурных бездельников, людей с израненными, опустошенными сердцами,

утраченными иллюзиями. Этому Дому Шоу противопоставляет в предисловии к пьесе Манеж, где заведомо являются невежественные варвары, в отличие от обитателей Дома отнюдь не отстраняющиеся от политики, но чаще всего корыстно вершащие ее. И тех и других драматург гневно обвиняет в ответственности за развязанную кровавую бойню. Сочувственно следя за становлением молодого Советского государства, Шоу замечает, что «тем временем большевистские кирки и подрывные шашки разрушают фундамент обоих зданий...». Вичующая критика милитаризма пронизывает каждую строку этого предисловия. Истинная боль за человечество звучит в словах Шоу о том, что «убивали не только наших Шекспиров и Платонов; урожай, собранный теми, кто остался в живых, был засеян и выращен на бесплодной земле траншей». Ниже приводятся первые главы предисловия к пьесе, представляющего собой несколько субъективную, но, бесспорно, интересную попытку Шоу охарактеризовать мировое значение драматургии Чехова и Толстого, сопоставить содержание их пьес с важнейшими жизненными процессами в окружающем его обществе. Шоу всегда высоко ценил русскую культуру; особое внимание он уделял русской драматургии — пьесам Л. Толстого, А. Чехова, М. Горького. Литературные пристрастия и суждения Шоу неотрывны от его деятельного, неустанного, активного интереса к решению насущных политических, общественных проблем.

оставить Дом стоять, раз мог свалить его на головы приятных и любезных празднующих, обитавших в нем; и он энергично взялся за кирку. Он обращался с обитателями Дома так, как поступают при отравлении опиумом, когда, грубо схватив пациента, трясут его до тех пор, пока он не проснется. Чехов в большей мере фаталист; он не очень-то верил, что его обаятельные герои выпутаются сами. Они неизбежно будут проданы с торгов, думал он, а затем их пустят по миру судебные приставы; однако без колебания он эксплуатировал их обаяние и даже льстил ему.

охоту, стрельбу, рыбную ловлю, флирт, еду и питье. Те же милые люди, та же совершенная жизненная непригодность. Эти милые люди любили читать, некоторые умели даже писать; они представляли собой единственных стражей культуры, которые могли встречаться с нашими политиками, общественными деятелями и владельцами газет и даже обладали правом участвовать в их делах и влиять на них. Но они стремились этих встреч, ненавидели политику. Они не желали претворить в действительность Утопию ради блага простых людей; они хотели лишь воплотить в собственной жизни любимые мысли и поэмы; и когда могли, то жили без угрызения совести, на свои доходы, хотя ровно ничего не сделали, чтобы заработать их. В молодости женщины этого круга стремились походить на певичек варьете, но потом, остепенившись, приобрели тот тип красоты, который был создан художниками предшествующего поколения. Обитатели Дома представляли собой ту часть общества, где имелся досуг для высокой культуры, и жизнь их стала экономической, политической и моральной пустотой, а поскольку природа не терпит пустоты, они заполнили ее чувственными и другими рафинированными удовольствиями: в лучшем случае это общество было очарователь-

откуда взялся дом, где разбиваются сердца

«Дом, где разбиваются сердца» — это не только название пьесы, к которой написано это предисловие. Это — культурная, праздная Европа перед войной. Пьеса была начата, когда не раздалось еще ни одного выстрела; только профессионалы-дипломаты и немногие любители, коньком которых является внешняя политика, знали, что орудия уже заряжены. Русский драматург Чехов создал четыре увлекательных драматических этюда Дома, где разбиваются сердца, из них три — «Вишневый сад», «Дядя Ваня» и «Чайка» — были поставлены в Англии*. Толстой в своих «Плодах просвещения» тоже показал этот Дом в свойственной ему жестокой, презрительной манере. Толстой не питал никаких симпатий к его обитателям: для него это был Дом, где задыхалась душа Европы; он знал, что наша чрезмерная нервозность и беспомощность в тепличной атмосфере гостиних отдавали мир во власть хитрого невежества и бездушной силы, которые и привели сейчас к столь страшным последствиям для всего мира. Толстой не был пессимистом: он не желал

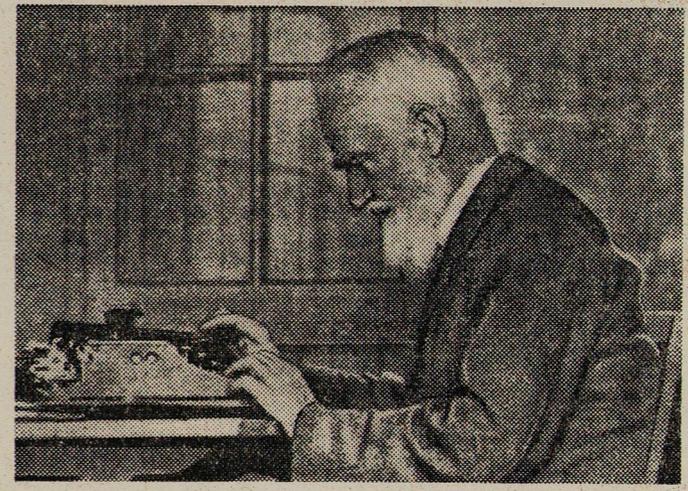
обитатели Пьесы Чехова, будучи менее доходными, чем качели и карусели, выдержали в Англии, где театры представляют собой обычные коммерческие предприятия, всего несколько представлений в Сценическом обществе. Мы изумлялись и говорили: «Как это по-русски!». Но меня поразило другое. Как и пьесы Ибсена, типично норвежские пьесы, в точности удовлетворяющие вкусам средней буржуазии всех пригородов Европы, эти произведения, столь насыщенные русской жизнью, отражали бытие усадеб всех европейских стран, где наслаждение музыкой, искусством, литературой и театром заменило

светское общество без особых познаний в социологии. «Вишневый сад» Люди из Дома, где разбиваются сердца, ничего этого делать не хотели и не умели. Им столь же хорошо были известны предчувствия Уэллса, насколько нашим правителям были неизвестны слова Эразма или Томаса Мора, и потому обитатели Дома отказывались от тяжелой поденщины политиков, да вряд ли у них и вышло что-нибудь, если бы они даже изменили свои намерения. Им бы и не позволили вмешаться, так как в наше время всеобщего избирательного права только тот попадает в парламент, кто оказывается наследственным паром, если при этом ему не воспрепятствует его культурный багаж. Однако благодаря привычке обитателей Дома жить в безвоздушном пространстве они все равно оказались бы беспомощными и неактивными в общественных делах. Даже в частной жизни они бывали часто, подобно героям чеховского «Вишневого сада», беспомощными расточителями своего наследства. И те из них, кто жил по средствам, в действительности находились под опекой своих страпчих и агентов, будучи не в состоянии сами ни управлять именными, ни вести дела без постоянной подсказки со стороны тех, кто должен уметь это, или умирать с голоду. То, что называется Демократией, не могло изменить подобное положение дел. Говорят, что каждый народ имеет правительство, которого он заслуживает. Правильнее было бы сказать, что каждое правительство имеет круг избирателей, которых оно заслуживает, так как ораторы с передней скамьи могут по желанию наставлять или развращать невежественных избирателей, как им захочется. Таким образом, наша Демократия вращается в порочном кругу взаимных вознесений и низвержений.

ным местом для недолгого отдыха. В другое время оно оказывалось гибельным. Для премьер-министров и им подобных оно представлялось истинной Капудей.

МАНЕЖ Где же, как не здесь, пришлось обосноваться тем, кто занимал первые скамьи в парламенте? Дому, где разбиваются сердца, они противопоставили Манеж, состоящий из тюрьмы для лошадей и пристройки для леди и джентльменов, которые прогуливаются верхом, гоняют лошадей, обсуждают их достоинства, занимаются куплей и продажей и уделяют им девять десятых своей жизни, разделяя оставшуюся одну десятую между благотворительностью, хождением в церковь (что заменяет им религию) и устройством койсервативных выборов (что заменяет им политику). Правда, два эти круга порой слегка соприкасались. Но изгнанники из библиотек, музыкальных залов и картинных галерей скучали и тосковали, попав в конюшни, а отважные амазонки, засыпавшие при первых звуках Шумана, были совершенно не на месте в садах Клингзора. Правда, попадались иногда лошади и люди с разбитыми сердцами, которые отлично чувствовали себя и в той и в другой среде. Как правило, однако, два эти мира были отдалены и очень мало знали друг о друге; поэтому премьер-министры и иже с ними вынуждены были сделать выбор между варварством и Капудей. И трудно сказать, какое из этих двух направлений являлось более губительным для руководства государственной деятельностью.

РЕВОЛЮЦИЯ НА ПОЛКЕ Дом, где разбиваются сердца, был довольно близок к революционным идеям, но только на бумаге. Он старался быть передовым и свободомыслящим. Мало кто из его обитателей посещал церковь и соблюдал воскресенье, хотя и любил повеселиться в конце недели. Если бы вам довелось погостить там с пятницы до вторника, то вы могли бы найти на полке в своей спальне не только поэтов и романистов, но даже революционных биологов и экономистов. По крайней мере, без нескольких моих пьес и пьес Гренвилля Баркера, а также рассказов Уэллса, Арнольда Беннета и Джона Голсуорси этот Дом почувствовал бы себя в стороне от прогресса. Среди поэтов можно было найти книги Блейка, рядом с ним — Бергсона, Батлера, Скотта Хольдейна, стихотворения Мередита и Томаса Гарди, короче говоря, всю литературу, необходимую для формирования ума современного социалиста и творческого эволюциониста.

Бернард Шоу за работой

Было чрезвычайно любопытно провести воскресенье, углубившись в чтение этих книг, а в понедельник утром прочитать в газетах, что страна приведена на край бездны анархии, потому что новый министр внутренних дел или начальник полиции, у которого в голове завелись такие идеи, каких постеснялась бы даже его прабабушка, отказался «признать» какой-нибудь могущественный профсоюз, как будто утлый челнок может не признавать океанский миноносец...

Короче, власть и культура были отделены друг от друга. Варвары не только громоздились в седлах, но и занимали передние скамьи палаты общин, где их неопикуемое невежество в области современного мышления и политических наук исправит было некому — разве что выскочкам из банковских контор, которые всю жизнь занимаются тем, что наполняют свои карманы, а не головы. Впрочем, и те и другие имеют большой опыт в обращении с деньгами и людьми, насколько это требуется для добывания одних и для эксплуатации других; и хотя это — столь же неблагоприятное занятие, как грабежи средневековых баронов, однако те, кто этим занимается, умеют вести дела или управлять имением по старинке, не вникая в существо вопроса, так же как портные и лавочники с Бонд-Стри-та, лакеи и камердинеры поддерживают

светское общество без особых познаний в социологии.

«ВИШНЕВЫЙ САД»

Люди из Дома, где разбиваются сердца, ничего этого делать не хотели и не умели. Им столь же хорошо были известны предчувствия Уэллса, насколько нашим правителям были неизвестны слова Эразма или Томаса Мора, и потому обитатели Дома отказывались от тяжелой поденщины политиков, да вряд ли у них и вышло что-нибудь, если бы они даже изменили свои намерения. Им бы и не позволили вмешаться, так как в наше время всеобщего избирательного права только тот попадает в парламент, кто оказывается наследственным паром, если при этом ему не воспрепятствует его культурный багаж. Однако благодаря привычке обитателей Дома жить в безвоздушном пространстве они все равно оказались бы беспомощными и неактивными в общественных делах. Даже в частной жизни они бывали часто, подобно героям чеховского «Вишневого сада», беспомощными расточителями своего наследства. И те из них, кто жил по средствам, в действительности находились под опекой своих страпчих и агентов, будучи не в состоянии сами ни управлять именными, ни вести дела без постоянной подсказки со стороны тех, кто должен уметь это, или умирать с голоду.

То, что называется Демократией, не могло изменить подобное положение дел. Говорят, что каждый народ имеет правительство, которого он заслуживает. Правильнее было бы сказать, что каждое правительство имеет круг избирателей, которых оно заслуживает, так как ораторы с передней скамьи могут по желанию наставлять или развращать невежественных избирателей, как им захочется. Таким образом, наша Демократия вращается в порочном кругу взаимных вознесений и низвержений.

Литературная газета г. Москва

26 ИЮНЬ 1956

* Ко времени написания предисловия не поставленной оставалась пьеса «Три сестры».